

ний о русско-турецких войнах, для которой название «История на Таврическаа полуостров» было лишь своеобразной маскировкой от турецких властей. Приемы составления этого сочинения XIX в. еще вполне летописные.

Вторая особенность болгарского рукописного наследия — это сложность языковых изводов. Кроме рукописей болгарского извода, огромную часть его составляют рукописи сербского, русского и смешанных изводов: русско-болгарские, сербо-болгарские, украинско-молдовлахийские и т. д. Перед нами то болгарская рукопись, переписывавшаяся сербами, то русская, переписывавшаяся болгарами, то украинская, проникшая в Болгарию через молдовлахийскую письменную традицию, и т. д. Особый интерес представляют рукописи болгарские, переписывавшиеся русскими и сербами. Обилие и характер их свидетельствуют о том, что эти смешанные изводы ведут свое происхождение из монастырей, где жили представители различных славянских народностей: такими были, в первую очередь, монастыри Афона. Отсюда ясно, что в текстологическом изучении болгарского рукописного наследия вопросы языковые должны занимать первостепенное место.

Третья особенность болгарских рукописных собраний — их ярко выраженный монастырский характер — почти вплоть до XIX в. Объясняется это, по-видимому, тем, что рукописи в Болгарии постоянно уничтожались в бесчисленных войнах, разбойничьих нападениях на монастыри, пожарах, в результате преследований греческим духовенством болгарского богослужебного ритуала и т. д. Возрождение болгарской рукописной традиции шло с Афона, из монастырей Сербии и из России. Ввозились рукописи по преимуществу церковного содержания или рукописи «естественно-научные» (космографии, физиологи, лечебники, «Александрия» и т. д.). Больше всего пострадали и с наибольшим трудом «восстанавливались» рукописи национального болгарского содержания. Они не экспортировались из Болгарии и не могли быть вновь ввезены в Болгарию, как это делалось с рукописями церковного или «естественно-научного» содержания. «Круговращение» болгаро-русских, болгаро-сербских или болгаро-сербо-русских изводов, изводов украинско-молдовлахийских «стерло», уничтожило ту часть болгарского рукописного наследия, которой в наибольшей мере был присущ национальный колорит: в первую очередь рукописи исторического содержания. В этом сказалась национальная трагедия болгарского народа, страдавшего и от полутысячелетнего ига турок, и от засилия греческого духовенства⁶.

Эту особенность болгарского рукописного наследия нужно постоянно иметь в виду историкам литературы, особенно для древнейшего периода болгарской литературы. Вот почему я не могу согласиться с Н. К. Гудзием, утверждавшим в своем докладе на IV Международном съезде славистов об «исключительно церковно-религиозном направлении древнейшей болгарской литературы»⁷. Даже если учесть все сохранившиеся от древнейшей поры болгарской литературы произведения, то и тогда неправомерно было бы говорить об ее исключительно церковно-религиозном направлении, хотя господство церковной идеологии в средневековую эпоху и не подлежит сомнению. Вспомним такие «естественно-научные» сочинения, восходящие к Симеоновской эпохе, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха, физиолог, «Христианский топограф» Козьмы Индикоплова и др.⁸ Что же касается исторических сочинений, то вероятнее всего, что до завоевания Болгарии Турцией они существовали, ибо даже один только Преславский собор 893 г., объявивший славянский язык официальным и сыгравший огромную роль в формировании болгарской интеллигенции, является достаточно убедительным показателем высоты патриотического сознания болгарского народа уже в IX в.

⁶ Уничтожение болгарских рукописей в XVIII и XIX вв. ярко представлено В. И. Григоровичем в описании своего путешествия по Болгарии 1844 и 1845 гг. (В. И. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, стр. 107, 110, 115, 122, 131, 147, 148).

⁷ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие южнославянские литературы. IV Международный съезд славистов. Доклады. М., 1958, стр. 33 (ср. стр. 34—36). Возражения Н. К. Гудзием см. в статье П. Динкова «Основные черты на старата българска литература» (журн. «Литературна мисъл», 1959, кн. 1, стр. 49—50).

⁸ «...Славяно-болгарская литература, в период ее расцвета в эпоху Первого болгарского царства, охватывала не только церковные поучительные и похвальные проповеди, толкования библейских и евангельских текстов, но и сочинение стихов, а также перевод и создание первой славянской литературы в области естественных наук. В особенности следует подчеркнуть, что одновременно с официальной литературой в Болгарии возникла и развивалась в X в. другая неофициальная, народная — богомилская литература, которая свободно толковала разные вопросы, разрабатывала библейские легенды и создавала свои космогонические гипотезы. Эта литература была проявлением народного общественно-прогрессивного движения, направленного против феодальной светской и церковной эксплуататорской власти. Много художественных произведений индийского, персидского, арабского и другого происхождения переводилось, обогативалось и передавалось дальше — сербам, хорватам, русским и другим народам» (Акад. Цв. Кростанов и проф. Ив. Дуйчев. Естествознание в средновековна България, София, 1954, стр. 606).